

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

VICTOR BURLACHUK,

Doctor of Sciences in Sociology, Leading Research Fellow at the Department of Sociology of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

burlatchouk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6197-0356>

Коллективная память: меж ценностями и историческим знанием

В конце XX столетия тема памяти превратилась из традиционных тем философии и психологии в тему острую, связанную с новейшими проблемами гуманитарного знания, тему, активно эксплуатируемую современными политиками и вовлеченную в идеологические контroversы. Память в ущерб истории заполнила собой все пространство отношений человека к своему прошлому, встала над историей в качестве главного способа управления прошлым [Федорова, 2018].

Такая ситуация обусловлена тем, что память, которая раньше рассматривалась как сподручный инструмент исторического познания, стала восприниматься как важный элемент коллективной идентичности, утрата которого приводит к утрате фундамента для существования группы.

В 70-х годах XX века сложилась особая ситуация, вызвавшая к жизни так называемую историческую политику, или политику памяти. Если философское исследование проблем памяти в 30–40-е годы XX столетия фокусировалось главным образом на рассмотрении особенностей восприятия прошлого в индивидуальном и коллективном сознании и не выходило за рамки научных дискуссий, то полвека спустя ситуация кардинально меняется. Проблема памяти обретает политическое звучание: в разговор о памяти вступают историки и социологи, политики и представители медийных сфер [Федорова, 2018].

Проблема исторической памяти превратилась в серьезную общественно-политическую проблему, имеющую как собственно теоретический, так и практический аспект. «Память, — пишет французский историк П. Нора, — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта

Цитирование: Бурлачук, В. (2020). Коллективная память: меж ценностями и историческим знанием. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 124–142.

диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и историческому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. ... история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное” [Нора, 1999: с. 19].

Мы видим, что противоположность памяти и истории вполне может быть осмыслена как противоположность “ценность” — “знание”. Если историческая память становится предметом политического противостояния, то тем самым она утрачивает свойственное историческому знанию стремление к объективности и истине и начинает выражать интересы определенных групп. У истории нет травм, травмы могут быть только у памяти.

Особенности моего подхода к проблеме памяти заключаются в выяснении источника ее ценностного характера. Недостаток исследований, посвященных проблемам коллективной памяти, несмотря на их многообразие (в статье Г. Касьянова дана подробная библиография работ украинских авторов, пишущих по этой теме [Касьянов, 2016: с. 132–133]), заключается в отсутствии желания проследить ценностную специфику этого феномена.

Как происходит превращение памяти в некоторую ценность? Этот вопрос предполагает другой: как происходит возникновение ценности? Ведь память сама по себе не является ценностью, как не являются ценностью ощущение, восприятие, воображение и другие субъективные способности. Ценностью она становится в результате перехода, когда перестает быть характеристикой индивидуального сознания и становится групповой или коллективной. В результате перехода от индивидуальной к групповой меняется ее способ существования: из факта индивидуального сознания, где она может быть фрагментарной, неточной, хаотичной, вытесненной, она превращается в дискурсивную, обладающую трансперсональным существованием. Она становится рассказом, свидетельством: “я там был, и я все видел”.

Коллективная память образует дискурсивное пространство, которое моментально узурпируется властью. Появляются инстанции, которые начинают контролировать работу памяти: какие события надо помнить, а какие желательно забыть, или же что это событие надо оценивать так, а не иначе. Как отмечает французский историк Ж. Ле Гофф, коллективная память

является важным вопросом в борьбе за власть между общественными группами [Le Goff, 1992].

Власть использует наличие в коллективной памяти возможности ритуализации: любое историческое событие или исторический персонаж может стать объектом ритуала. А ритуал как раз и является, по выражению Р. Коллинза, маленькой социальной машиной, создающей группы.

Ценностный характер коллективной памяти, например, виден в социологических исследованиях, когда от респондента просят ответить, как он оценивает то или иное историческое событие. В этой оценке, положительной или отрицательной как раз и располагается вездесущий призрак власти. Когда респондента спрашивают: “В 1654 році після Переяславської Ради Україна ввійшла під протекторат Російської держави — Україна возз’єдналась з Росією. Як Ви в цілому оцінюєте цю подію?” [Вишняк, 2013], создается воображаемая трансисторическая общность между респондентом и “мифическим” государством; событие изымается из его хронологического бытия, выходит за рамки исторического времени и воспринимается как находящееся сейчас или в обозримом прошлом.

Современное общество, включая все социальные, этнические и семейные группы, пережило глубокое изменение традиционного отношения к прошлому, связанное с изменениями в структуре власти. Это изменение охватывает самые разнообразные формы отношения к прошлому. Прежде всего, это критика официальных версий истории и появление альтернативных ее версий; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого. Достаточно вспомнить время горбачевской “перестройки”, когда содержание коллективной и национальной памяти подвергалось жесткой переоценке, когда под влиянием масс-медиа уходили старые герои и появлялись новые. Этот процесс не обошел стороной и Украину, которая вступила в эпоху “страстного, придирчивого, почти навязчивого воспоминания”, как только приобрела желанную независимость.

Изменение модели времени и история

Изменение традиционного отношения к прошлому кроме реальных политических причин имело под собой и идеологическое основание. В связи с дискредитацией Советского Союза и коммунистической партии произошел крах марксизма, который предполагал определенную модель времени и истории. Конец революционной идеи, мощного вектора, указавшего направление исторического времени в будущее, неизбежно повлек за собой быстрое изменение восприятия прошлого. При революционной модели времени заведомо известно, что нужно взять из прошлого, чтобы подготовить будущее. Известно также, что нужно отменить, что забыть, а при необходимости и насильственно уничтожить. Здесь уместно вспомнить идеологию Пролеткульта, который решал задачу разрушить старую дворянскую культуру и создать новую пролетарскую. В понятии исторического времени в этом случае заключена воля к разрыву с прошлым. Исследование исторического времени, направлявшегося революционной идеей, вернуло прошлому свободу, неопределенность, весомое присутствие в настоящем.

Существуют три модели представления о будущем, которые, по мнению Пьера Нора, определяли лицо прошлого: будущее как реставрация прошло-

го, будущее как прогресс и будущее как революция. Такие представления о будущем перестают быть актуальными. В связи с крахом революционной идеи над будущим нависает отныне абсолютная неопределенность. Невозможность предвидеть будущее ставит определенные задачи перед настоящим. Конец всякой телеологии истории возложил на настоящее долг памяти. Невозможность предвидеть будущее связана с непрерывно обновляющимся настоящим. Появляется феномен ускорения истории, свойственный концу XX века. Ускорение истории делает непредставимым будущее и симметрично отодвигает прошлое — мы становимся от него отрезаны.

Ускорение истории воздействует на память в двух отношениях: во-первых, оно создает эффект “аккумуляции”, связанный с ощущением утраты (императив учреждений и орудий памяти: музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов).

Во-вторых, оно создает эффект автономизации настоящего — между непредсказуемым будущим и непрозрачным, канувшим в Лету прошлым. Прошлое перестает быть гарантией будущего, а память превращается в движущую силу.

Возникающая в этой ситуации идея национальной памяти выходит за границы научного дискурса. Это представляет собой *ценностную легитимацию* прошлого.

Морис Хальбвакс — основатель концепции коллективной памяти

Определяющая концептуальная конструкция коллективной памяти, принадлежащая французскому социологу Морису Хальбваксу (1877–1945), изложена им в известной работе “Социальные рамки памяти” (1925) и развита впоследствии в статьях конца 1930-х и 1940-х годов. Его концепция формировалась в борьбе с постулатами бергсоновского идеалистического индивидуализма. Оригинальность Хальбвакса в понимании памяти заключалась в том, что для него память может быть только социальной, причем индивидуальная и коллективная память объединяются социальными рамками. Социальные рамки памяти дают возможность индивидуальной и коллективной памяти реконструировать образ прошлого.

Исследование Хальбвакса в изучении социальной природы памяти указывает на то, что коллективная память не совпадает с историей (под историей здесь понимается научный дискурс о прошлом) и что выражение “историческая память” в некотором смысле является оксюмороном, в котором сочетаются два термина, исключающих друг друга. История начинается только там, где кончается традиция, в тот момент, когда угасает или разрушается социальная память. Коллективная память не является простым фиксатором хронологических событий, она удерживает из прошлого только то, что еще живо и поддерживается интересом определенной социальной группы. В отличие от коллективной памяти, история вне групп и над группами. Коллективная память множественна, и эта множественность выражается в плюральности времени социальных групп. История представляет собой абстрактное знание, в котором отсутствует экзистенциальное переживание групповой памяти.

Разведение двух понятий, связанных с осмыслением нашего отношения к прошлому, стало серьезной научной проблемой: возникла дилемма, требующая выбора между *истиной* истории и *верностью* памяти.

Места памяти или память, захваченная историей

Основные запросы власти, предъявляемые к обществу, проявляются в самых разнообразных дискурсах: политическом, историческом, литературном и пр. Власть не может не говорить. Предполагается, что все проговоренное ею, должно быть услышано (или прочитано) и понято. Поэтому для власти так важна унификация языка. Производство дискурса не происходит в безвоздушном пространстве, оно имеет пространственное и временное ограничение. Попробуем определить локацию, откуда говорит власть.

Таковыми местами являются не только парламентская трибуна, резиденция Президента или Верховный Суд. Власть вовлекает в свой дискурс исторические места: памятники, мемориалы, музеи. Такие исторические места, по образному выражению Пьера Нора, называются местами памяти.

Речь не обязательно идет о топографических местах, о внешних отметинах, которые могут служить опорой для форм социального поведения людей в их повседневных взаимодействиях. Такими местами памяти, согласно П. Нора, могут служить гражданский календарь, знамя, национальный символ, флаг республики, архивы, библиотеки, словари, музеи, мемориальные церемонии, праздники, триумфальные арки.

Место памяти представляет собой некоторый исходный пункт, из которого может начаться процесс образования коллективной памяти. Например, учитель истории, указывая на остатки заржавленного меча, найденного археологической экспедицией, комментирует: “Вот этот меч был оружием, которое ваши предки использовали в борьбе с врагами, чтобы защитить свою землю”.

Так посредством вещи, символа и комментария, сопровождающего их, возникает эмоциональная связь, позволяющая зримо ощутить присутствие отсутствующих поколений и нашу зависимость от них. Возникает чувство совместного с отсутствующими поколениями бытия.

Как работают механизмы коллективной памяти, можно увидеть у А. Чехова в его рассказе “Студент”. Герой, возвращаясь холодным вечером с охоты домой, встречает греющихся возле костра крестьянок. Встреча происходит накануне Пасхи, и определенная ситуация, в которой оказался студент, — холодная ночь, костер, ветер, предчувствие главного христианского праздника — вызывает у него желание рассказать одиноким женщинам эпизод из Нового Завета, связанный с отречением апостола Петра от своего Учителя. Библейская история вызывает у слушательниц острую эмоциональную реакцию, что позволяет студенту почувствовать присутствие удивительной цепи событий, в которой евангельская архаика может восприниматься как живое настоящее.

В этом коротком рассказе Чехова есть все основные элементы, с которыми связана работа коллективной памяти. Прежде всего, содержание коллективной памяти не исчерпывается жизненным опытом отдельного индивида. Основное содержание этой памяти приобретает в результате воспитания и обучения. Слушательницы наверняка не впервые слышат евангельские истории. Они определенно могли ранее встречаться с ними в церковных проповедях, на уроках Закона Божьего и т.п. Поэтому мы здесь сталкиваемся с таким важным элементом памяти, как узнавание. В евангельской истории слушательницы узнают свою историю: историю греха, предательства и

покаяния. Именно благодаря тому, что в евангельской истории присутствуют универсальные сюжеты, она выходит за рамки единичного события.

В коллективной памяти особое место занимает присутствие символического. Символами становятся основные образования коллективной памяти и в качестве стимулов запускают работу воспоминания. Так, в рассказе Чехова “холодная ночь”, “костер”, “ветер” выступают не только как реальные объекты, но и как символы. Символизация данных объектов происходит посредством признания их универсального характера. Холодная ночь, ветер — это не данные конкретные ночь и ветер, это такие ночь и ветер, которые как универсальные моральные категории сопровождают всю историю человечества.

Противопоставив память истории, следует иметь в виду, что сама память не является бесформенным мешком, набитым историческими событиями, она определенным образом структурирована. Память, которая связана со становлением национального государства, отличается от современной памяти, структурированной иными процессами.

Например, книга украинского писателя Антона Лотоцкого “История Украины для детей” (1934), выдержавшая много переизданий, представляет собой скорее не историческое сочинение, а образец работы по воспроизведению национальной памяти. В ней структурированы четыре типа памяти: *основополагающая память*, репрезентирующая образы феодальной монархии и эпохи, когда закладывалось и утверждалось украинское государство; *память-государство*, растворенная в образе ее собственной репрезентации, исторических портретах гетманов; *национальная память*, память народа, осознающего себя как нацию, память, в пользу которой свидетельствуют первые писатели, которые писали чисто украинскою мовою (Петро Гулак-Артемовский, Григорий Квитка-Основањенко, Амвросий Метлинский и др.); *память-травма*, свидетельствующая о крахе модели национальной идентичности, сфокусированной на нации-государстве.

Отсутствие живой памяти

Торжество памяти, о котором свидетельствуют заключительные десятилетия XX века, не означает, что мы готовы вернуться к традиции и патриархальным отношениям. Торжество памяти в наше время носит специфический характер. Современное украинское общество вовлечено в процесс трансформации и обновления. Это процесс, когда новые технологии (особенно информационные) радикально меняют жизнь общества, когда область реального вытесняется сферой виртуального, когда определенность места и времени перестает быть главным условием социального взаимодействия.

Сфера виртуального воздействует на коллективную память. Она лишает память места. Например, вы встречались с другом В. в городе N, когда шел дождь, мимо проходила бродячая собака и т.д. Город N, дождь, бродячая собака создают социальные рамки памяти. Сейчас вы встречаетесь в Skype, не покидая своего личного пространства, серия встреч в Skype наслаивает их друг на друга и не может зафиксироваться в памяти в качестве значимого события. Память не может актуализировать прошлое, потому что прошлое лишено определенной привязки к пространству и времени, а любое мнемоническое усилие всегда требует “внутри-мировости”.

П. Нора считает, что возникает дистанция между памятью целостной, спонтанной, всеорганизующей и всемогущей, и нашей, которая есть только

история, след и выбор. Он считает, что существует два вида памяти: память традиционного общества и память индустриального общества. Между этими двумя видами памяти возникает дистанция, которая все более и более увеличивается. Здесь история искореняет память. Если живой памяти нет, то она пытается кристаллизироваться, найти себе воплощение. Память из сферы традиции, ритуала переходит в плоскость пространства, она становится памятником. Поэтому такой актуальной становится необходимость установить памятник Петлюре, переименовать улицы в честь героев УПА и т.д.

Ритуалы общества без ритуалов

Истории отводится формирующая и направляющая роль в отношении национального сознания. Места памяти возникают в результате останковки непрерывного процесса присутствия прошлого в настоящем. Места памяти связаны с деритуализацией. “Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого” [Нора, 1999: с.20]. Это ритуалы общества без ритуалов.

Преходящие святыни десакрализирующего общества, верность партикулярному в обществе, отвергающем партикуляризм. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству отсутствия спонтанной памяти: “если бы воспоминания, которые они заключают в себе, были действительно живы, в этих бастионах не было бы нужды” [Нора, 1999: с. 10].

Чем меньше память переживается внутренне, тем больше она нуждается во внешней поддержке и в осязаемых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует.

В классическую эпоху необходимость исторической фиксации относилась к царским династиям, к деятельности определенных социальных институтов, церкви, государства. Иначе говоря, на место в коллективной памяти могли претендовать только основные исторические события. Кто только сегодня не считает себя обязанным записать свои воспоминания или написать свои “мемуары”. Их пишут политики и кинозвезды, врачи и ветераны, повара и фарцовщики.

Результатом ликвидации живой памяти является всеобщее стремление все регистрировать.

Прошлое прошло

Как очень точно заметил Пьер Нора, характерное для нашего времени бесконечное производство архива — это обостренное свойство нового сознания, наиболее отчетливое выражение терроризма историзованной памяти.

Переход от памяти к истории заставляет каждую социальную группу искать новое определение своей идентичности, подвергая ревизии собственную историю. “Вспомнить всё” становится императивом современной жизни.

Поскольку мы не видим присутствия в общественном сознании общей памяти, которая должна служить национальному единству, и вместо этого находим пестрое разнообразие групповых памятей, которые находятся в перманентном конфликте друг с другом, постольку для создания общей памяти общество порождает определенный слой людей — это “люди-память”. Прош-

лое прошло и прошлое не прошло. Над индивидом и группой довлеет принуждение к памяти, отчуждение групповой памяти из официальной истории придает процессу воспоминания интенсивность внутреннего принуждения. В нем как бы звучит внутренний голос: “Ты должен быть украинцем!”

Раньше истинное восприятие прошлого историй-памятью состояло в констатации того, что на самом деле прошлое не прошло. Его могло оживить усилие ремеморизации, а само настоящее становилось своего рода повторным прошлым, присутствующим благодаря такому усилию. Сейчас прошлое предстает в форме мучительных для коллективной памяти воспоминаний и вызывает горячие споры.

Преращение памяти в политику

Как известно, политика не вмешивается в процесс производства научного знания, однако вопросы, связанные с историей, неожиданно обнаруживают свою связь с актуальностью политических процессов. Не является ли это вмешательство политики попыткой управления прошлым? Управлять прошлым — значит рассматривать прошлое с определенной точки зрения, видеть в прошлом инструмент, способный оправдать те или иные политические действия. Особым образом модифицированное прошлое составляет источник легитимации политической власти, попыткой основывать власть на традиции (одна из форм власти, описанная М. Вебером). Власть, основанная на традиции, это и есть власть, создающая, в частности, институты национальной памяти как основу своей легитимации.

Преращение памяти в инструмент политики затрагивает основы моральной рефлексии, поскольку манипуляции памятью могут быть источником кровавых конфликтов между людьми. Поэтому не случайно один из крупнейших философов современности Поль Рикер считал пропаганду идей политики справедливой памяти своим гражданским долгом. “... Меня не перестает волновать положение дел, когда в одном случае слишком увлекаются вопросами памяти, в другом — забвения и ни слова не говорят о значении поминания и о злоупотреблениях памятью или забвением. Идея о политике справедливой памяти является в этом отношении одной из главных тем, изучение которой я считаю своим гражданским долгом” [Рикер, 2004: с. 15].

Государство в сердцеvine нашей памяти

Одним из способов ориентации в историческом времени является официальный календарь, представляющий собой тривиальное воплощение коллективной памяти. Список календарных дней определяет нашу повседневную жизнь и задает ей определенный ритм. Будни сменяются выходными, а рабочие дни праздниками. Он предлагает список дней года, разделенный на недели и месяцы, с обозначением праздников и памятных дат. Для нас это нечто совершенно тривиальное, на что мы не обращаем внимания. Наше восприятие темпоральности организовано структурами этого общественного времени. Как мы уже отмечали, в “Социальных рамках памяти” Морис Хальбвакс утверждает, что основания всякого обращения к воспоминаниям следует искать в том, что он называет социальными рамками памяти, то есть в тех собственно социальных ориентирах, в соответствии с которыми мы организуем свою частную жизнь. Так, в сердцеvine нашей памя-

ти мы обнаруживаем организационные структуры государства, гражданские праздники, светские или религиозные... То есть мы находим целый комплекс структур социальной темпоральности, маркированных социальными ориентирами и коллективными видами деятельности. Он выявляется в самой глубине нашего личного сознания [Бурдые, 2016: с. 57].

Социальные субъекты не могут передать друг другу свое пережитое время безотносительно временных ориентиров, вписанных в периодичность официальных календарей. Когда мы на определенный срок составляем свои жизненные планы, они всегда расчленяются на определенные временные периоды, которые имеют строгую привязку к календарным датам. Завтра никогда не бывает абстрактным, это завтра понедельника, вторника и т.д. Календарь выступает как способ управления временем, создает временные ориентиры, которые фундаментально определяют нашу жизнь.

Мы обнаруживаем государство не только внутри темпоральных ориентиров нашей памяти, но и внутри нашей социальной чувствительности. Особенности нашей реакции на те или иные исторические события сформированы государством, что позволяет говорить о некоей особой форме чувствительности — исторической. То есть наше восприятие прошлого социально сформировано.

Историческая реконструкция — ритуал в деритуализированном обществе

Один из симптомов отсутствия живой памяти — это попытка найти для коллективной памяти референцию в реальности. Поиском такой референции заняты исторические реконструкторы. В исторической реконструкции представлены два популярных направления: так называемая живая история и военно-историческая реконструкция.

В живой истории реконструкция нацелена на воссоздание образа жизни людей какой-либо местности в определенный исторический период. Участники эксперимента пытаются полностью воспроизвести образ жизни людей определенного исторического периода в определенной местности. В этом смысле показателен проект канала Би-Би-Си “Викторианская ферма”. Этот проект представляет собой реконструкцию жизни на ферме времен викторианской эпохи в Англии. Группа историков и археологов на год поселилась на старинной ферме (графство Шропшир, там располагается поместье Актон Скотт, где сохранились викторианские строения) и ведут хозяйство, как это было во времена королевы Виктории. Задача участников — максимально погрузиться в заданное время, прожить его в соответствии с хронологическими характеристиками. Все должно соответствовать эпохе, начиная с костюма и обмундирования и заканчивая, например, уходом за скотом или способом приготовления пищи.

Настоящие элементы исторической реконструкции можно обнаружить и в современной кинематографии. Примером может служить фильм режиссера Ильи Хржановского о жизни советского физика Льва Ландау. Участие в проекте предусматривало жесткое подчинение правилам и обычаям советского времени: каждый, кто попадал на площадку, носил одежду 1930-х — 1960-х годов и должен был подчиняться придуманной легенде, существуя в условиях стилизованной реальности под непрерывным наблюдением каме-

ры оператора, с тем чтобы под воздействием воссозданных обстоятельств трансформировать логику привычного поведения.

Что касается второго направления, оно нацелено на воссоздание военного прошлого в отечественной и мировой истории (оружие, доспехи, система ведения боя, памятные битвы и пр.).

Историческая реконструкция многое заимствует от логики ритуала. Действия, которые совершают участники, лишены всякого практического смысла: нет необходимости, пользуясь старыми малоэффективными технологиями, выращивать домашний скот, собирать урожай, заготавливать припасы.

Анализируя историческую реконструкцию, можно также обратить внимание на некоторую близость ее представлению исторической пьесы. Однако главная задача исторической реконструкции в отличие от исторической драмы направлена на преодоление ряда сценических условностей. Здесь нет актеров, которые *представляют*, участники реконструкции пытаются реально взаимодействовать с историческими предметами, стремясь овладеть их специфическими качествами (пахота, стрижка овец, строительство сарая, изготовление орудий труда и т.д.). Вместо сцены здесь реальное пространство с сохранившимися историческими постройками. Время спектакля — сценическое время, в нем могут быть представлены различные времена и даже эпохи. Время реконструкции — это реальное время, в котором приходится решать различные практические задачи.

Историческая реконструкция направлена на то, чтобы преодолеть разрыв между официальной историей и живой памятью. В результате мы получаем историческую память как некий образ, направленный на подтверждение групповой идентичности.

Память и вымышленный момент в истории

Всякая теория общественного договора — от Руссо до Гоббса — говорит о некоем вымышленном моменте в истории, скачке, в результате которого совершался переход от войны к гражданскому миру, однако ни одна из этих теорий не объясняет его. Мы не имеем доступа к этой “нулевой отметке” в общественном договоре, к самому моменту рождения социального порядка, который можно было бы так или иначе объяснить. Мы знаем лишь систему авторитета, но никогда не присутствовали при его зарождении.

Многие памятные церемонии (день Конституции, день Независимости) направлены на воспроизведение в воображении нулевой отметки истории, на образование некоего чувствительного органа, который бы реагировал на различные попытки мемориализации, например, снос или установка памятника, празднование того или иного события.

В своих претензиях на легитимацию власть пытается сформировать субъекта, *который эмоционально реагирует на те или иные исторические события*, через реакцию которого она пытается управлять, формируя его идентичность. Но для того, чтобы сформировать такого субъекта, его нужно консолидировать.

Такую интеграцию власть хочет наблюдать в памятных церемониях, в ходе которых всякое человеческое сообщество воспроизводит события, почитая их в качестве основы своей идентичности.

Любая человеческая общность обретает прочность и постоянство благодаря устойчивому и долговременному образу, который она создает о себе са-

мой. Роль идеологии заключается в том, чтобы создавать и распространять убеждение, будто эти основополагающие события являются конститутивными для социальной памяти, а благодаря ей — и для идентичности самого сообщества. Функция идеологии служит посредником коллективной памяти, чтобы изначальноную ценность основополагающих событий в жизни общества сделать объектом веры.

“Идеологизация памяти становится возможной благодаря разнообразным средствам, которые предлагаются работой по нарративной конфигурации. Подобно тому, как персонажи рассказа, а вместе с ними и рассказанная история включаются в интригу, нарративная конфигурация способствует моделированию идентичности главных действующих лиц, а также и контуров самого действия” [Рикер, 2004: с. 124]. Рассказанная история отнюдь не безобидна, она уже вовлечена в поле действия различных интересов. Уже на уровне рассказа задействованы ресурсы манипуляции, селективная функция рассказа использует одновременно и забвение, и воскрешение в памяти.

Коллективная память и память историческая

Различением между коллективной памятью и памятью исторической мы обязаны Морису Хальбваксу. Он предлагает вспомнить ситуацию школьника, изучающего историю. Учитель требует от ученика знания исторических дат, фактов, крупных событий, важных персонажей. Лекция учителя истории — это, по сути, рассказ, рамками референции которого является страна. На данной стадии изучения история воспринимается, в особенности школьником, как внешняя и мертвая. Отсутствие интереса обусловлено тем, что ребенок не является свидетелем или участником исторических событий. Ощущение внешнего характера фактов усиливается от того, что события, о которых рассказывает учитель, расположены в календарном хронологическом порядке. Хальбвакс рассматривает постепенное преодоление разрыва между преподаваемой историей и живой памятью. По его мнению, вначале над памятью осуществляется определенное насилие, приходящее извне. Открытие того, что позже получит название “историческая память”, состоит в аккультурации экстернорного путем свыкания с непривычным, с пугающей чуждостью исторического прошлого [Рикер, 2004].

Роль рассказов, услышанных из уст старших в семье, заключается в расширении временного горизонта, закрепляемого понятием исторической памяти. Находя опору в рассказах о предках, связь поколений прививается к огромному генеалогическому дереву, корни которого уходят в глубины истории.

Скучные школьные рассказы об истории, состоящие из дат и заучиваемых фактов, одушевляются воспоминаниями свидетелей исторических событий, становясь тем, что Хальбвакс называл социальными рамками памяти. Память, как личная, так и коллективная, обогащается историческим прошлым, которым мы постепенно овладеваем. Чтение исторических сочинений, подхватывая эстафету от рассказов свидетелей, придает понятию “следы прошлого” публичный характер, а вместе с тем и личностное измерение. Открытие памятников прошлого позволяет обнаружить “уцелевшие островки прошлого”. Именно так историческая память постепенно интегрируется в живую память.

Растворяется ли в конечном счете история в памяти? И расширяется ли память, становясь исторической памятью? Главным референтом исторической памяти остается нация, но между индивидом и нацией имеется много других групп, памяти которых могут конфликтовать друг с другом. Между коллективной памятью и памятью исторической продолжает существовать скрытое несогласие, это дает основания утверждать, что в “целом история начинается только там, где кончается традиция” [Хальбвакс, 2007].

Учебники истории для детей, как правило, представляют собой образец формирования коллективной памяти. Ярким примером можно считать учебник украинской истории для детей А. Лотоцкого, анализ которого может прояснить некоторые аспекты работы коллективной памяти. Отправной точкой для работы коллективной памяти является не событие, исторический факт, а формулирование некоторой трансисторической сущности, с которой связаны все последующие события.

История народа всегда связана с территорией, которую он населяет. Территория воспринимается как жизненно важная ценность, посредством которой можно судить о витальной энергии данного народа, а увеличение или уменьшение территории может свидетельствовать о периодах кризиса или расцвета. Основать государство — это обязательно найти определенную территорию и признать ее в качестве необходимого условия существования данного народа.

“Погляньте, діти, на мапу України! На цій мапі маєте зазначені межі української землі, де здавен-давня жив і живе наш український народ. Треба вам знати, що простір землі, заселеної нашим народом, є такий великий, що аби перейти його пішки з заходу на схід, треба йти 90 днів, ідучи денно по 30 кілометрів. Отже, це простір завдовжки 2700 км, а в найширшій місці доходить до 1000 кілометрів. Загально займає він близько 1 мільйона квадратних кілометрів поверхні.

Українців є близько 50 мільйонів, і тому ми, по росіянах і німцях, належимо до найбільших народів у Європі, а простором українська земля належить до найбільших країв у світі” [Лотоцький, 1990: с. 4].

В приведенной цитате с самого начала предполагается априорная племенная идентичность между читателем и автором, на эту идентичность указывают такие выражения, как “наша Україна”, “наш український народ”, “простір землі, заселеної нашим народом”.

Приведенное суждение не относится к высказываниям, определяющим специфику исторической мысли. Мы проникаем в сердцевину работы коллективной памяти, занятой конституированием национальной идентичности. Определяющими условиями такой идентичности являются территория и народ. Территория — трансисторическая сущность, несмотря на все исторические изменения, она продолжает выступать в качестве неизменного референта исторического описания. Коллективная память не озабочена такими вопросами, является ли территория, которую населяет данный народ, данной Богом раз и навсегда в определенных и неизменных границах или же она на протяжении истории может неоднократно меняться в своих границах. Здесь возникает определенный парадокс: историческая подвижность определенных границ не отменяет наличие некоторых абсолютных границ. Территория выступает неизменной субстанцией, приписанной данному народу.

Такою же редукцию к субстанции претерпевает и понятие народа. Коллективная память избегает рассматривать народ как образование, которое

состоит из различных этнических групп и чье понятие обязано своим существованием буржуазной историографии.

“Отже, запам'ятайте собі, що ви є українці, нащадки тих українців, які з-перед дванадцяти століть заснували свою державу. А столицею її було завжди місто Київ, “мати українських міст” і колиска цілої України” [Лотоцький, 1990: с. 7].

Коллективная память рассматривает историческое время в качестве главного препятствия для идентификации, время — это то, что непрерывно подвергает национальную идентификацию испытанию. Оно заставляет групповую память всякий раз отыскивать народную субстанцию в толще исторических времен.

Территория, с которой связана групповая память, пластична — она может расширяться от Сяна до Дона или сжиматься до пределов одного города, например, Киева.

В качестве протяженной субстанции украинские земли могут частично переходить в руки врага, но потом они все равно возвращаются в свою истинную сущность. Так, князь Владимир “зібрав усі українські землі під свою руку, і вся Україна мала тільки йому коритися. Він також повідбирав українські землі від ворожих сусідів, які ті землі раніше завоювали. Наприклад, на заході прилучив Червенські та й інші города, від литовців узяв Побужжя (землі над Бугом), а також прилучив до своєї держави українську землю за Карпатами”. Злучивши так усі українські землі в одне ціле, князь Володимир забезпечив їх від ворогів” [Лотоцький, 1990: с. 23].

Автор использует такое понятие, как “все украинские земли”. Это понятие обладает всеми чертами априорной сущности, данной изначально и не могущей подвергнуться никаким принципиальным изменениям, кроме случайных и временных. Их можно потерять, захватить, но они все равно рано или поздно вернуться к своему изначальному хозяину, украинскому народу. Не случайно в исторической литературе встречаются такие выражения, как “исконно русские” (немецкие, украинские и т.д.) земли.

Коллективную память определяет история государства-нации, которая образует ее основной референт и которую постоянно травмирует неспособность обнаружить начало истории, поскольку как только вы определите в качестве начала какое-то историческое событие, то сразу же столкнетесь с необходимостью выйти за границы этого начала и указать более давнюю точку в исторической хронологии. Поэтому коллективная память отказывается от “начала” и переходит к понятию “исток”. В отличие от начала, исток — это внезапное событие, которое всегда актуально, не имеет привязки к определенной хронологии, которое сейчас, как и прежде, всегда налицо. Исток — это не начало, это вневременная сущность, которая лежит в основе государства.

Память меньшинств или попытка обретения Украиной коллективной памяти

В конце XX века в связи с кризисом официальной историографии происходит появление разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимым условием утверждения собственной идентичности.

Памяти меньшинств возникают, когда в тоталитарных обществах с доминирующей идеологией происходит процесс освобождения от старого со-

циального порядка. Разрушение доминирования приводит к тому, что страны, вышедшие из-под власти тоталитарных режимов XX столетия, пытаются обратиться к своей давней, традиционной памяти, запрещенной или искаженной в условиях соответствующего режима. Это случаи России, стран Восточной Европы. Бурный расцвет памяти меньшинств глубоко изменил соотношение и взаимоотношение истории и памяти. Точнее, он сделал актуальным малоупотребительное понятие “коллективная память”.

По сравнению с официальной историей, которая во многом определялась господствующей идеологией, память обладает режимом демократичности и протеста. Она возникла как ответ на унижение и оскорбление тех, кто не имел права на свою собственную, отличную от официальной, историю. Память меньшинств не претендует на историческую объективность, она гарантирует верность.

Наличие живых свидетелей прошлого (участников Второй мировой войны и подполья, жертв репрессий) создавало альтернативное понимание истории; они несли в себе истину живой памяти о пережитом, отличавшуюся от истины истории.

Как отмечает Пьер Нора, история, ставшая научной дисциплиной, строилась, хотя и исходя из памяти, но против памяти, которая считалась индивидуальной, психологической, обманчивой и, в конечном счете, не более чем свидетельством, нуждающимся в интерпретации. История была областью коллективного, память же — сферой индивидуального. История была едина, а память, по своему определению, множественна, потому что индивидуальная, по сути, Идея коллективной памяти, эмансипирующей и сакрализованной, перевернула это соотношение с ног на голову. Раньше индивиды имели память, а сообщества — историю. Идея, что памятью обладают именно сообщества, предполагает глубокое изменение места индивидов в обществе и их отношения к коллективу: здесь секрет загадочного, взывающего к объяснению успеха еще одной идеи, а именно идеи идентичности, без которой невозможно понять рост памяти.

Чтобы поддержать работу коллективной памяти, создается Институт национальной памяти, который обеспечивает превращение исторического самосознания в социальное сознание. Предполагается, что коллективная память должна стать основой социальной и политической сплоченности. Через школу и школьные учебники начинает создаваться эпопея национального сообщества, в которой, в свою очередь, по примеру тоталитарной идеологии, сглаживаются любые особенности, будь то региональные, семейные, лингвистические, религиозные, социальные, сексуальные, если только они не являются частью великой национальной истории.

Героический эпос со своими вершинами и спадами, временами величия и испытаний, неисчерпаемым набором персонажей, сцен, изречений, интриг, дат, добрых и злых сил — это семейная сага, начавшаяся с образования Киевского княжества и заканчивающаяся установлением независимой Украины, прошедшая через Галицко-Волынское государство, Козаччину и войны XX века.

С одной стороны, создается коллективная национальная история. С другой стороны, ее постоянно будоражат воспоминания частного характера. Мы присутствуем при создании священной истории, поскольку по характеру она не отличается от религиозного катехизиса, который стремилась собой заменить. И это была история сакральная — как история родины, за-

служивающей того, чтобы ей жертвовали жизнью; легенда, действовавшая как мощнейший двигатель социальной интеграции и сплоченности.

Интенсивное использование коллективной памятью прошлого (политическое, туристическое, коммерческое) отбирает у историка его традиционную монополию на интерпретацию прошлого. Теперь место рядом с историком занимают фигуры судьи, свидетеля, представителя масс-медиа и законодателя. Законодатель, например, может издать закон об уголовной ответственности за непризнание тех или иных исторических фактов.

В Украине мы наблюдаем инверсию динамики поминания, модель коллективной памяти взяла верх над исторической памятью, откуда и совсем иное использование прошлого.

Место какой исторической модели могла бы занять модель памяти? Она заняла место прославления безличного суверенитета союзного государства. Эта модель достойна называться исторической моделью, поскольку самопонимание советских граждан идентифицировалось с историей становления советского государства. Именно ее место занимает память — частная, раздробленная, национальная, локальная, культурная. В Советском Союзе история и память составляли единое целое: история верифицировалась памятью. Инверсия, обнаруживаемая в истоках одержимости памятью, состоит в возрождении утраченных традиций, пластов прошлого, от которых мы отделились.

Украина в войне памяти

Освободившись от политической зависимости от Советского Союза, Украина и на уровне идеологическом, и на уровне национальной памяти пытается утвердить свою независимость от коллективной памяти правопреемницы Советского Союза — России. Прежде всего эта война памяти касается оценки событий Второй мировой войны. Вторая мировая война занимает центральное место в исторической памяти всего мира. В исторической памяти большинства европейцев в результате Нюрнбергского процесса сформировалось представление, что наибольшими преступниками в истории человечества были нацисты. Однако для представителей украинской национальной памяти такая позиция является недопустимой. В развязывании Второй мировой войны виноваты и коммунисты, и нацисты.

Идеологи украинской коллективной памяти рассуждают приблизительно так:

“Спільна перемога” — це обґрунтування спільної подальшої історії. А Велика Перемога як виправдання — це виправдання всього сталінізму і комуністичного терору. Якщо ми залишаємося на позиції радянської концепції історії війни, це означає, що ми відмовляємося від нашої незалежності і кажемо, що ми надалі разом із Росією. Разом перемогли і разом будемо жити. Відмовляємося від будь-якого демократичного вибору, бо ж Сталін був ефективним менеджером, який забезпечив нам перемогу. От чому вся ця радянщина попросту неприйнятна”.

Здесь следует обратить внимание на следующий момент. Оценка Второй мировой войны выходит за рамки исторического дискурса. С этой оценкой пытаются разобраться различные социальные группы. Феномен победы определяется не в рамках фундаментальных исторических исследований, без ориентации на какое-то объективное исследование, он возникает

как итог идеологического противоборства, как результат определенной государственной политики.

Выводы

Противоположность коллективной памяти и истории может быть осмыслена как противоположность “ценности — знания”. Всемирное торжество памяти рубежа веков имело под собой идеологическое основание и связано с крахом определенной модели времени и истории.

Особое место в коллективной памяти занимает присутствие символического, которое выступает в качестве основного стимула, запускающего работу воспоминания. Отсутствие в общественном сознании общей памяти, которая должна послужить национальному единству, компенсируется наличием групповых памятей, находящихся во взаимной борьбе.

Превращение коллективной памяти в инструмент государственной политики затрагивает основы моральной рефлексии, поскольку манипуляции памятью могут стать источником кровавых конфликтов между людьми.

Сказанное заставляет исследователя признать двойственный характер коллективной памяти. С одной стороны, сакрализация памяти выступает в качестве момента, подразумевающего принцип эмансипации и освобождения, с другой стороны, она может породить стремление к замкнутости и изоляции и стать одним из главных стимулов в развязывании войны.

Источники

Бурдые, П. (2016). *О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. Москва: Издательский дом “Дело”.

Вишняк, О.І. (2013). Историчні події в оцінках масової свідомості громадян України (соціологічний аналіз). В: *Національна пам'ять. Зб. наук. праць* (вип. 6, сс. 32–40). Київ: Пріоритети.

Касьянов, Г.В. (2016). Исторична пам'ять та исторична політика: до питання про термінологію й генеалогію понять. *Український історичний журнал*, 2, 118–137.

Лотоцький, А. (1991). *Історія України для дітей*. Івано-Франківськ: Просвіта.

Нора, П. (1999). Проблематика мест памяти. В: *Франция — память* (сс. 17–50). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Непривоснованный запас*, 2, 68–93.

Рикер, П. (2004). *Память, история, забвение*. Москва: Издательство гуманитарной литературы.

Федорова, М.М. (2018). История / память: “трудная” дилемма. *История философии*, 23 (1), 108–121.

Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издательство.

Le Goff, J. (1992). *History and Memory* / Tr. by S. Rendall, E. Claman. S.l.: Columbia University Press.

Получено 06.08.2020

References

Bourdieu, P. (2016). *On the State: A Course of Lectures at the College de France (1989–1992)*. [In Russian]. Moscow: Publishing House “Dielo”. [= Бурдые 2016].

Fedorova, M.M. (2018). History / memory: a “difficult” dilemma. [In Russian]. *History of Philosophy*, 23 (1), 108–121. [= Федорова 2018].

Halbwachs, M. (2007). *Social Framework of Memory*. [In Russian]. Moscow: New publishing house. [= Хальбвакс 2007].

Kasianov, H.V. (2016). Historical memory and historical policy: on the question of terminology and genealogy of concepts. [In Ukrainian]. *Ukrainian Historical Journal*, 2, 118–137. [= Касьянов 2016].

Le Goff, J. (1992). *History and Memory* / Tr. by S.Rendall, E.Claman. S.l.: Columbia University Press.

Lotots'kyi, A. (1991). *History of Ukraine for Children*. [In Ukrainian]. Ivano-Frankivsk: Prosvita. [= Лотоцький 1991].

Nora, P. (1999). The problem of a memory spaces. In: *France – Memory* (pp. 17–50). [In Russian]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. [= Нора 1999].

Nora, P. (2005). A worldwide celebration of memory. [In Russian]. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2, 68–93. [= Нора 2005].

Ricœur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. [In Russian]. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. [= Рикер 2004].

Vyshnyak, O.I. (2013). Historical events in the raising of the mass consciousness of the citizens of Ukraine (sociological analysis). [In Ukrainian]. In: *National Memory. Collection of scientific papers* (Iss. 6, pp. 32–40). Kyiv: Priorityty. [= Вишняк 2013].

Received 06.08.2020

ВИКТОР БУРЛАЧУК

Колективна пам'ять: між цінностями та історичним знанням

Наприкінці XX століття несподівано актуалізувалися, здавалося б, другорядні питання: про що ми задуємо і кому належить пам'ять? Поняття пам'яті як однієї з психічних характеристик діяльності індивіда доповнюється поняттям колективної пам'яті, яке потребує іншого способу аналізу, ніж в разі діяльності окремого індивіда.

У 70-х роках XX століття склалася ситуація, яка викликала до життя так звану історичну політику, або політику пам'яті. Якщо філософські дослідження проблем пам'яті 30–40-х років XX століття фокусувалися головним чином на розгляді особливостей сприйняття минулого в індивідуальній та колективній свідомості й не виходили за рамки наукових дискусій, то півстоліття по тому ситуація кардинально змінилася. Проблема пам'яті набула політичного звучання: до дискурсу про пам'ять залучилися історики та соціологи, політики та представники медійних сфер.

Сучасне суспільство, включно з усіма соціальними, етнічними та сімейними групами, пережило глибоку зміну традиційного ставлення до минулого, пов'язану зі змінами у структурі влади. У зв'язку з дискредитацією Радянського Союзу й разом із тим комуністичної партії та її ідеології стався крах марксизму, який передбачав певну модель часу та історії. Кінець революційної ідеї, потужного вектора, що вказував напрям історичного часу в майбутнє, неминуче спричинив зміну сприйняття минулого.

Три моделі уявлення про майбутнє, які, на думку П'єра Нора, визначали обличчя минулого (майбутнє як реставрація минулого, майбутнє як прогрес і майбутнє як революція), що існували донедавна, наразі втратили свою актуальність. Сьогодні над майбутнім нависає абсолютна невизначеність. Неможливість передбачити майбутнє ставить певні завдання перед теперішнім. Кінець будь-якої телеології історії накладає на теперішнє обов'язок пам'яті.

Особливості життя пам'яті, специфіка її стану та функціонування безпосередньо позначаються на стані ідентичності, як особистої, так і колективної. Спотворення пам'яті, неправильна її робота, ідеологічне маніпулювання нею можуть призвести до кризи ідентичності.

Меморіальний феномен — це певний політичний ресурс у ситуації жорстких соціально-політичних розривів і змін. За умов економічної кризи і за відсутності реальної та

чіткої програми майбутнього розвитку держава часто прагне перетворити пам'ять на головний елемент національної консолідації.

Ключові слова: колективна пам'ять, історична пам'ять, цінність, історична реконструкція, ідентичність

ВИКТОР БУРЛАЧУК

Коллективная память: меж ценностями и историческим знанием

В конце XX века неожиданно стали актуальными, казалось, второстепенные вопросы: о чем мы вспоминаем и кому принадлежит память? Принятие памяти как одной из психических характеристик деятельности индивида дополняется понятием коллективной памяти, которое требует иного способа анализа, чем в случае деятельности отдельного индивида.

В 70-х годах XX века сложилась ситуация, вызвавшая к жизни так называемую историческую политику, или политику памяти. Если философское исследование проблем памяти в 30–40-е годы XX столетия фокусировалось главным образом на рассмотрении особенностей восприятия прошлого в индивидуальном и коллективном сознании и не выходило за рамки научных дискуссий, то полвека спустя ситуация кардинально изменилась. Проблема памяти обрела политическое звучание: в разговор о памяти вступили историки и социологи, политики и представители медийных сфер.

Современное общество, включая все социальные, этнические и семейные группы, пережило глубокое изменение традиционного отношения к прошлому, связанное с изменениями в структуре власти. В связи с дискредитацией Советского Союза и вместе с тем коммунистической партии и ее идеологии произошел крах марксизма, предполагавшего определенную модель времени и истории. Конец революционной идеи, мощного вектора, указывавшего направление исторического времени в будущее, неизбежно повлек за собой изменение восприятия прошлого. Существовавшие ранее три модели представления о будущем, которые, по мнению Пьера Нора, определяли лицо прошлого (будущее как реставрация прошлого, будущее как прогресс и будущее как революция), потеряли свою актуальность. Сегодня над будущим нависает абсолютная неопределенность. Такая невозможность предвидеть будущее ставит определенные задачи перед настоящим. Конец всякой телеологии истории возлагает на настоящее долг памяти.

Особенности жизни памяти, особенности ее состояния и функционирования прямо сказываются на состоянии идентичности, как личной, так и коллективной. Искажение памяти, неправильная ее работа, идеологическое манипулирование ею могут породить кризис идентичности. Мемориальный феномен — это определенный политический ресурс в ситуации жестких социально-политических разрывов и изменений. В условиях экономического кризиса и при отсутствии реальной и четкой программы будущего развития государство часто стремится превратить память в главный элемент национальной консолидации.

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, ценность, историческая реконструкция, идентичность

VIKTOR BURLACHUK

Collective Memory: Between Values and Historical Knowledge

At the end of the twentieth century, questions of a secondary nature suddenly became topical: what do we remember and who owns the memory? Memory as one of the mental characteristics of an individual's activity is complemented by the concept of collective memory, which requires a different method of analysis than the activity of a separate individual.

In the 1970s, a situation arose that gave rise to the so-called “historical politics” or “memory politics.” If philosophical studies of memory problems of the 30’s and 40’s of the twentieth century were focused mainly on the peculiarities of perception of the past in the individual and collective consciousness and did not go beyond scientific discussions, then half a century later the situation has changed dramatically. The problem of memory has found its political sound: historians and sociologists, politicians and representatives of the media have entered the discourse on memory. Modern society, including all social, ethnic and family groups, has undergone a profound change in the traditional attitude towards the past, which has been associated with changes in the structure of government. In connection with the discrediting of the Soviet Union, the rapid decline of the Communist Party and its ideology, there was a collapse of Marxism, which provided for a certain model of time and history. The end of the revolutionary idea, a powerful vector that indicated the direction of historical time into the future, inevitably led to a rapid change in perception of the past.

Three models of the future, which, according to Pierre Nora, defined the face of the past (the future as a restoration of the past, the future as progress and the future as a revolution) that existed until recently, have now lost their relevance. Today, absolute uncertainty hangs over the future. The inability to predict the future poses certain challenges to the present. The end of any teleology of history imposes on the present a debt of memory.

Features of the life of memory, the specifics of its state and functioning directly affect the state of identity, both personal and collective. Distortion of memory, its incorrect work, and its ideological manipulation can give rise to an identity crisis.

The memorial phenomenon is a certain political resource in a situation of severe socio-political breaks and changes. In the conditions of the economic crisis and in the absence of a real and clear program for future development, the state often seeks to turn memory into the main element of national consolidation.

Keywords: *collective memory, historical memory, value, historical reconstruction, identity*